

БИТВА НА МАРНЕ 1914 г. В МЕМУАРАХ ВОЕННОЙ ЭЛИТЫ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Статья посвящена анализу изображения битвы на Марне 1914 г. в воспоминаниях представителей военной элиты Германской империи. На основе мемуаров Пауля фон Гинденбурга, Альфреда фон Тирпица, Эриха Людендорфа, Вильгельма Гренера, Карла фон Эйнема, Макса Бауэра и Магнуса фон Эберхардта изучается мнение немецкого военного командования об итогах и последствиях сражения. Исследование источников выявило схожесть мнения авторов с точкой зрения немецкой историографии послевоенного времени, превалирование в их восприятии тенденции к выделению среди нескольких факторов, приведших к поражению, какого-то одного и отсутствие комплексного суждения о последствиях сражения.

Ключевые слова: военная элита; Первая мировая война; Германская империя; битва на Марне (1914).

В истории Первой мировой войны одним из наиболее дискуссионных сражений является битва на Марне 1914 г. Именно она стала переломной в ходе кампании первого года этого военного конфликта. Бои на Западном фронте, начавшиеся «в полосе наступления 6-й французской армии» [1. С. 139], вылились в одно из крупнейших сражений войны 1914–1918 гг. Закончилось оно отступлением немецких армий и крушением надежд немецкого командования на быстрое завершение военного конфликта.

Изучение битвы на Марне 1914 г. началось почти сразу после окончания войны. Это сражение рассматривалось как в общих работах о Первой мировой войне, так и в отдельных исследованиях [2, 3]. Марнское сражение предшествовало так называемое Пограничное сражение, в котором успех был на стороне немецкой армии. Но как утверждают историки, германское командование переоценило его итоги: для него французские войска были сокрушены, и их оставалось только окружить и уничтожить [4. С. 213]. Армии союзников сами давали повод для таких рассуждений, так как их резервы были незначительными, а отступление продвигалось все дальше вглубь Франции. Однако французское верховное командование не оставляло намерений перейти в наступление. В конце августа – начале сентября положение стало изменяться: немецкое продвижение остановилось, а французы, оказавшиеся довольно далеко от границ с Бельгией и Германией, воспряли духом. Была сформирована новая (6-я) армия под руководством генерала Монури, которая должна была нанести удар по немецким войскам, наступавшим на Париж.

Сражение на Марне играло большую роль в дальнейшей судьбе вооруженного конфликта. Немцы после первых успехов намеревались прорвать фронт и дойти до Парижа. Перед павшими духом союзниками стояла задача не допустить этого и самим начать наступление. На кону стояли судьба Франции и полное изменение положения на Западном фронте.

В ходе ожесточенных боев 5–8 сентября сложилась непростая обстановка. На фронте 1-й и 2-й армий немцам пришлось довольно трудно, их положение было неблагоприятным: в результате маневров командующего 1-й армией фон Клука между войсками обеих армий возник разрыв, в который могли вклиниться британцы. На других участках фронта борьба шла успешно для немцев. Левый фланг 2-й армии достиг значительных результатов: вместе с частями

3-й армии войска Бюлова сильно потеснили 9-ю французскую армию Фоша в районе Сен-Гондских болот. Положение французов было близко к критическому. 4-я немецкая армия нанесла ощутимый удар в стык 3-й и 4-й французских, и если бы 5-я армия германского кронпринца действовала настойчивее, то в критическом положении оказалась бы и 3-я французская армия Саррайля.

Главкомандующий немецкими силами Мольтке на протяжении первых дней сражения находился в Люксембурге, в 200 км от фронта боевых действий, и его картина битвы и положения немецких войск была неполной и неточной. Как писал А.М. Зайончковский, «на основании случайно попавшей радиогаммы командира кав. корпуса Рихтгофена утром 8-го о неустойчивом положении на р. М. Морэн Мольтке показалось, что противник уже прорвал Германский фронт между 1-й и 2-й армиями. Тогда он решил выйти из пассивности и командировал подполковника Хенча в 1-ю армию» [4. С. 227]. По пути в штаб Клука Генч посетил 5-, 3- и 2-ю армии. Роковым для немцев оказалось посещение последней: подполковник застал Бюлова в крайне плохом настроении из-за опасения неприятельского прорыва на своем фронте. На совещании командующий 2-й армией очень мрачно обрисовал сложившееся положение, и у Генча укрепились мысли о необходимости отхода обеих (1-й и 2-й) армий. В это же время стали появляться известия о подходе новых частей противника. 9 сентября был отдан приказ об отступлении всех немецких армий за реку Эна.

В последние три дня сражения союзные армии преследовали немецкие. Преследование велось медленно, и немцам удалось 13 и 14 сентября закрыть разрыв между 1-й и 2-й армиями. Это обстоятельство вкупе с постоянными контратаками отступавших вынудило союзников прекратить наступление. Сражение на Марне было завершено.

По словам немецкого историка Карла Ланге, почти до конца войны тема поражения в Марнском сражении была табуирована в немецком общественном мнении. Об исходе сражения говорили только как о «подаренной победе» (нем. *verschenkter Sieg*) [5]. Поэтому важно изучить, как представители военной элиты Германской империи оценили исход битвы, его причины и последствия сражения.

Источниками статьи являются мемуары генералов Эриха Людендорфа, Вильгельма Гренера, Карла фон Эйнема, Магнуса фон Эберхардта, полковника Макса

Бауэра, адмирала Альфреда фон Тирпица и фельдмаршала Пауля фон Гинденбурга.

Все они не описывали подробно ход битвы, а сразу переходили к анализу причин неудачи. Один лишь Макс Бауэр в общих чертах осветил сражение. Однако подобное вполне объяснимо. Эрих Людендорф и Пауль фон Гинденбург были в это время заняты борьбой на Восточном фронте, где после победы при Танненберге назревало новое сражение в районе Мазурских озер. Альфред фон Тирпиц как представитель военно-морских кругов мало интересовался борьбой на суше. Магнус фон Эберхардт сосредоточил свое внимание на борьбе в Эльзасе и Лотарингии. Вильгельм Гренер посвятил Марнскому сражению отдельный труд – «Der Feldherr wider Willen»², и поэтому, по собственным словам, в своих мемуарах он считал нужным рассказать о своих чувствах и впечатлениях от сражения [6. S. 169]. Карл фон Эйнем, в свою очередь, отмечал, что «литература о битве на Марне уже сейчас настолько обширна, что я могу не останавливаться на подробном освещении ее событий» [7. S. 173].

Мнение немецких военных деятелей об исходе битвы соответствует оценкам военного времени. Слово «поражение» в их воспоминаниях не встречается. Эрих Людендорф писал, что «на Западе германское наступление закончилось неудачей» [8. С. 60]. Об этом говорил в своих воспоминаниях и Карл фон Эйнем [7. S. 173]. Вильгельм Гренер назвал произошедшее «катастрофой на Марне» [6. S. 168]. Все, за исключением Тирпица, Эберхардта и Гинденбурга, видели одной из причин неудачи в сражении 5–12 сентября 1914 г. отступление от плана Шлиффена. Эйнем, Бауэр и Гренер открыто написали об этом, в то время как Людендорф и Гинденбург только упомянули о данном факте. Главнокомандующий Восточным фронтом и начальник его штаба неожиданно оказались сдержаны в своих оценках, хотя их мемуары, как и мемуары Макса Бауэра, имеют яркий пропагандистский характер. Особый интерес вызывает реакция Эриха Людендорфа, чрезвычайно немногословного в своих рассуждениях о битве на Марне. По его словам, ему не удалось выяснить, были ли основания для приказа об отходе на Марне или нет [8. С. 60]. Можно предположить, что Людендорф тактично промолчал о нелицеприятном для немецкой армии сражении, но, скорее всего, это умышленный шаг, призванный скрыть просчеты немецкого командования. Мнение фельдмаршала фон Гинденбурга довольно корректно: к неудаче привел целый комплекс обстоятельств. При этом он отрицал «роковое влияние» отступления от плана Шлиффена: «В многочисленных разговорах с офицерами, имевшими свое мнение о ходе событий на Западном фронте в августе и сентябре 1914 года, я попытался получить наиболее идеальное суждение о событиях, которые стали роковыми для нас в так называемой битве на Марне. Я не думаю, что в этом было повинно крушение нашего замечательного, без сомнения верного, военного плана. Целая череда неблагоприятных факторов привела к нашим неприятностям. К ним я отношу разброд мыслей в руководящих кругах; наступление с сильным правым флангом;

излишнюю, и бывшую в корне неправильную, самостоятельность низшего командования, которая завела в тупик сделанный слишком сильным левый фланг; недооценку опасности со стороны сильно укрепленного большого железнодорожного узла – Парижа; недостаточное вмешательство верховного командования в передвижение армий и недостаточное чутье положения в штабах в решающий момент битвы» [9. S. 118].

Карл фон Эйнем и Вильгельм Гренер обвиняли в провале наступления на Париж главнокомандующего немецкими войсками генерала фон Мольтке-младшего и нелестно отзывались о нем. Но если Гренер подчеркивал пессимистичность Мольтке (и его помощника Генча) [6. S. 171], то Эйнем предъявлял ему целый ряд претензий:

1. Мольтке, несмотря на всю простоту плана Шлиффена, не смог его понять [7. S. 174].

2. Он выпустил из своих рук руководство всеми армиями и предоставил им слишком большую свободу.

3. Главнокомандующий «сидел в Люксембурге, слишком далеко от фронта, чтобы иметь реальное представление об обстановке и принять решение в этом беспорядке совершенно противоположных идей» [Ibid. S. 176].

Макс Бауэр тоже не симпатизировал личности главнокомандующего. Единственным, кто на страницах своих мемуаров положительно высказывался о Мольтке-младшем, был Альфред фон Тирпиц: «Мольтке был тяжело болен. Он выпустил поводья из рук в самый опасный момент, и единство в операциях армий было потеряно. Несмотря на его неуспех, я имел полное доверие к личности Мольтке. Его преемник производил впечатление человека, недостаточно подготовленного к решению стоявших перед ним задач, которые после битвы на Марне и перехода к войне на истощение расширились до бесконечности» [10. С. 305]. В свою очередь Карл фон Эйнем вступился за подполковника Генча, вина во всем его начальство.

Вильгельм Гренер выдвинул в своих мемуарах идею, что роковая ошибка, приведшая к печальному исходу на Марне, была совершена верховным командованием еще 30 августа 1914 г. Она состояла в решении отдать приказ о наступлении на Париж 1-й немецкой армии фон Клука. По мнению Гренера, наилучшим вариантом было бы отдать его либо 3-й, либо 2-й немецкой армии [6. S. 168]. Среди причин неудачи Гренер называл также отчет Таппена о положении армий, несоответствие оперативного мышления высшего командования шлиффеновскому и превратности судьбы [Ibid. S. 171, 176–177]. Макс Бауэр придерживался немного иного мнения. Он винил не отдельных личностей в немецком верховном командовании, а командование в целом. На неудачный исход Марнского сражения помимо отступления от плана Шлиффена повлияли, по его мнению, отправка нескольких корпусов на Восточный фронт и отсутствие усиления правого фланга.

В историографии, посвященной Первой мировой войне, нет единого мнения о причинах немецкого поражения. Во многих немецких работах вина возлага-

ется на отдельные личности. Одни винят во всем главнокомандующего немецкими войсками Мольтке-младшего; другие – подполковника Генча, после поездки на фронт которого был отдан приказ об отступлении; третьи – отдельных командующих армиями; четвертые – начальника штаба 1-й армии, генерала фон Кюля [5. С. 20]. Например, немецкий историк Михаэль Залевски в своей монографии «Der Erste Weltkrieg»³ отмечает роковую роль двух пессимистов – Генча и Мольтке-младшего, которые все сводки с фронта видели в заведомо проигрышном свете [11. С. 120–121]. Мольтке, по словам Залевски, не только оценивал происходившее 5–9 сентября 1914 г. в негативном ключе, но и мало доверял командующим на местах, что вкупе с плохой связью между Ставкой в Люксембурге и штабами армий во Франции внесло свою лепту в неудачный для немцев исход сражения [Ibid. С. 119–120]. Не умаляет автор и заслуг командующего французскими войсками Жоффра.

В отечественной историографии немецкий провал на Марне объясняют комплексом обстоятельств. Например, в первом томе многотомника «Мировые войны XX века», посвященному Первой мировой войне, названы следующие причины немецкого поражения [1. С. 140–141]:

1) удачная тактика союзных войск в артиллерийской противобатарейной борьбе;

2) жоффри рациональнее и осмотрительнее командовал французскими войсками, чем немцы. Немецкие армии также были лишены эффективного руководства и полного права на собственную инициативу;

3) наступление русских в Восточной Пруссии.

Андрей Мерадович Зайончковский в своей работе о Первой мировой войне писал, что к провалу немецкого наступления привели субъективные и объективные факторы. К первым можно отнести личностные особенности подполковника Генча и командующего 2-й немецкой армии, генерала фон Бюлова, а также просчеты немецкого верховного командования, вмешавшегося в решающий момент сражения на левом фланге и приказавшего отправить оттуда три корпуса в Бельгию [4. С. 231–233]. Ко вторым относятся отсутствие передышки после Пограничного сражения и несостоятельность немецкого руководства массой из семи армий. Главную роль в поражении Зайончковский отдавал объективным факторам: «В конечном итоге не нервность Бюлова и не словесный доклад мрачно настроенного Хенча привели к отказу от использования достигнутых германцами тактических успехов и к отступлению на р. Эна. Причины поражения на р. Марна заложены несравненно глубже, и даже если их искать только в пределах исходной операции войны 1914 г., то, естественно, эти причины определяются несостоятельностью германского руководства массой из 7 армий, заранее нацеленных, но не управлявшихся среди сложной обстановки» [Там же. С. 234]. В современной Зайончковскому немецкой литературе, по его словам, преобладало мнение о том, что основной причиной поражения в Марнском сражении были ошибки главного командования: исходное ослабление правого крыла вопреки плану Шлиф-

фена и полное отсутствие оперативных резервов; а также помимо излишнего усиления армий в Эльзас-Лотарингии ослабление главного фронта на семь полевых корпусов [4. С. 235].

Анализ воспоминаний представителей военной элиты Германской империи показывает отсутствие единого мнения о последствиях битвы на Марне 1914 г. Для Эриха Людендорфа ее итоги означали, что «война должна была затянуться надолго» [8. С. 60]. Вильгельм Гренер упомянул только смену руководства, так как все остальные последствия он указал в своей книге «Der Feldherr wider Willen». По мнению Альфреда фон Тирпица, перед армией были поставлены новые задачи, и ей нужно было переучиваться [10. С. 305]. Возможно, под последним он имел в виду переход к позиционной войне – совершенно новому виду противостояния ранее неизвестному в военном искусстве. Согласно словам Макса Бауэра, приказ об отступлении поспособствовал созданию панических настроений в рядах войск, а поражение на Марне означало окончательное крушение плана Шлиффена [12. С. 57–58]. Рассуждения Пауля фон Гинденбурга по сравнению с предыдущими выглядит немного странно: фельдмаршал не считал, что провал первых операций на Западе представлял серьезную опасность и делал безнадежным для немцев продолжение войны [9. С. 119]. Оптимизм Гинденбурга объясняется либо уверенностью в решении исхода войны на Востоке, либо в вероятности охвата армий противника в другом месте. Последняя мысль привела к так называемому бегу к морю – удлинению фронта воюющими сторонами вплоть до Северного моря.

В историографии, напротив, наблюдается единодушие в плане оценок. Несомненно, это сражение стало переломным моментом в Первой мировой войне. Многие историки, в том числе и историки ГДР, называли поражение на Марне стратегическим и придерживались мнения о том, что после него нейтральные страны, прежде всего Италия и Румыния, решились присоединиться к Антанте [5. С. 19–20]. Также к последствиям Марнского сражения относятся:

1) негативное влияние на немецкий народ [11. С. 121–122];

2) крах планов «Большой войны», подразумевавших разгром Франции в первый год военного конфликта [1. С. 140];

3) возвращение веры в собственные силы у союзников;

4) крах надежд на скорое окончание войны и неизбежность перехода к позиционной войне;

5) смена военного руководства в Германии;

6) принятие решения о формировании новой британской армии [4. С. 234–235].

Аналитическое изучение мемуаров представителей военной элиты Германской империи позволило установить, что рассуждения Карла фон Эйнема, Эриха Людендорфа, Пауля фон Гинденбурга, Макса Бауэра, Вильгельма Гренера, Альфреда фон Тирпица и Магнуса фон Эберхардта о причинах поражения в битве на Марне 1914 г. и о ее последствиях имели свои особенности, и, несмотря на некоторое сходство,

довольно сильно различались. Гинденбург видел целый комплекс факторов, приведших к поражению, Эйнем винил конкретные личности, а остальные называли несколько причин, но определяющей считали одну, которая, по их мнению, больше других повлияла на исход сражения.

Для сотрудников армейского командования довоенного времени, тесно связанных с Генеральным штабом, план Шлиффена был идеальным и очень важным, поэтому Людендорф, Гренер, Бауэр и Эйнем отмечали его невыполнение как одну из причин поражения.

Никто из немецких военных деятелей не принимал в расчет удачное руководство войсками противника. Все они старались найти причины внутри немецкой армии и ее командном составе, а не в недочетах в си-

стеме руководства войсками и планах военных действий.

Среди представителей военной элиты Германской империи не было комплексного мнения о последствиях битвы на Марне 1914 г. При этом авторы игнорировали влияние неудачи немецких войск на нейтральные государства, неприятеля и немецкий народ. Причиной тому было отсутствие у участников конфликта времени⁴ и возможности для формирования полной картины произошедшего. В своих оценках и рассуждениях они исходили из собственного опыта и переживаний, а также немецких военных документов. Не случайно, что мнение историков было другим: у них была возможность составить полную и объективную картину битвы на Марне на основе всего комплекса документов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Если исходить из понятия «элита» В. Парето, к военной элите Германской империи относится вся военная верхушка немецкой армии, включая высшее офицерство и военное чиновничество, т.е. все те, кто участвовал в управлении немецкими военными силами.

² В переводе на русский – «Полководец поневоле».

³ В переводе на русский – «Первая мировая война».

⁴ Большинство мемуаров участников войны было написано в первые годы после ее окончания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мировые войны XX века: Ист. очерк : в 4 т. Т. 1: Первая мировая война / отв. ред. Г.Д. Шкундин. М. : Наука, 2002. 685 с.
2. Kabisch E. Die Marneschlacht 1914: eine deutsche Tragödie. Berlin: Schlegel, 1934. 205 s.
3. Галактионов М.Р. Париж, 1914. Темпы операций: о Марнской битве. СПб. : АСТ. Terra Fantastica, 2001. 701 с.
4. Зайончковский А.М. Первая мировая война. СПб. : Полигон, 2000. 878 с.
5. Lange K. Marneschlacht und deutsche Öffentlichkeit, 1914–1939: eine verdrängte Niederlage und ihre Folgen. Düsseldorf: Bertelsmann Univ.-Verl., 1974. 221 s.
6. Groener W. Lebenserinnerungen. Jugend, Generalstab, Weltkrieg. Göttingen : Vandenhoeck&Ruprecht, 1957. 584 s.
7. Einem K. von. Erinnerungen eines Soldaten 1853–1933. Leipzig : Koehler, 1934. 191 s.
8. Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. : в 2 т. / пер. с 5-го нем. изд. под ред. А. Свечина. М. : Высший военный редакционный совет. Гос. изд-во, 1923–1924. Т. 1.
9. Hindenburg P. von. Aus meinem Leben. Leipzig : Hirzel, 1920. 409 s.
10. Тирпиц А. фон. Воспоминания / пер. с нем. В.Я. Голанта ; под ред. проф. адмирала В.А. Алафузова. М. : Воениздат, 1957. 656 с.
11. Salewski M. Der Erste Weltkrieg. Paderborn [u.a.] : Schöningh, 2003. 415 s.
12. Bauer M. Der große Krieg in Feld und Heimat: Erinnerungen und Betrachtungen. Tübingen : Osiander, 1921. 323 s.

Статья представлена научной редакцией «История» 25 июля 2016 г.

THE FIRST BATTLE OF THE MARNE IN THE MEMOIRS OF THE GERMAN EMPIRE MILITARY ELITE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 412, 65–69.

DOI: 10.17223/15617793/412/10

Elizaveta V. Koroleva, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation). E-mail: schwertlilie@mail.ru

Keywords: First Battle of the Marne; World War I; German Empire; military elite.

The First Battle of the Marne is one of the most debatable battles of World War I. The course and the outcome of the combats of 5–14 September 1914 gave a chance for both sides of the conflict to build different pictures of the event. For example, German propagandists' opinion about the given victory used to be upheld nearly till the end of the war. In view of this, the opinion of the participants of the war, especially of the German military elite in the postwar time seems to be interesting. In the article the image of the First Battle of the Marne in the memoirs of Generals Erich Ludendorff, Wilhelm Groener, Karl von Einem, Magnus von Eberhard, Admiral Alfred von Tirpitz, Colonel Max Bauer and Field-Marshal Paul von Hindenburg is studied by means of a comparative-historical method and methods of imagology and of analysis and synthesis. The article is aimed at determining the prevailing trends in the assessing of the outcome and consequences of the First Battle of the Marne. The analysis of the memoirs of the German Army Command spokesmen has allowed making the following conclusions: 1. For various reasons not all authors paid their attention to the battle. Most of all it bothered the minds of Einem, Bauer and Groener. Tirpitz and Eberhardt were not interested in it. 2. Erich Ludendorff, Wilhelm Groener and Max Bauer gave several reasons for the defeat in the First Battle of the Marne, but emphasized one, which influenced the outcome of the battle most of all. Paul von Hindenburg was the only person, who marked a complex of factors which led to the defeat. And only Karl von Einem blamed Moltke. 3. Members of the Army Command in the prewar time (Groener, Einem, Ludendorff, Bauer) particularly emphasized the fact of the deviation from Schlieffen's Plan, which they believed in without reserve. 4. All authors did not take into account the allies' good command. They looked for the reasons of the defeat inside the German Army and its Command and found them in concrete personalities, neither the defects of the Command system nor the military plans were to blame. 5. The spokesmen of the German Empire military elite did not have complex judgments about the consequences of the First Battle of the Marne. Their evaluations and judgments were based on their own experiences and feelings, as well as on the German military documents. It is no accident that historians' opinion was different: they were able to make a full and objective picture of the Battle of the Marne on the basis of the entire set of documents.

REFERENCES

1. Shkundin, G.D. (ed.) (2002) *Mirovye voyny XX veka: Ist. ocherk: v 4 t.* [World Wars of the twentieth century: historical essays: in 4 vols]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
2. Kabisch, E. (1934) *Die Marneschlacht 1914: eine deutsche Tragödie* [The Battle of the Marne in 1914: a German tragedy]. Berlin: Schlegel.
3. Galaktionov, M.R. (2001) *Parizh, 1914. Tempy operatsiy: o Marnskoy bitve* [Paris, 1914. The pace of operations: on the Marne Battle]. St. Petersburg: AST, Terra Fantastica.
4. Zayonchkovskiy, A.M. (2000) *Pervaya mirovaya voyna* [World War I]. St. Petersburg: Poligon.
5. Lange, K. (1974) *Marneschlacht und deutsche Öffentlichkeit, 1914–1939: eine verdrängte Niederlage und ihre Folgen* [The Battle of the Marne and the German public, 1914–1939: a repressed defeat and its consequences]. Dusseldorf: Bertelsmann Univ.-Verl.
6. Groener, W. (1957) *Lebenserinnerungen. Jugend, Generalstab, Weltkrieg* [Life memories. Youth, General Staff, World War]. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht.
7. Einem, K. von. (1934) *Erinnerungen eines Soldaten 1853–1933* [Memories of a soldier, 1853–1933]. Leipzig: Koehler.
8. Ludendorff, E. (1923–1924) *Moi vospominaniya o voyne 1914–1918 gg.: v 2 t.* [My memories of the war of 1914–1918]. Translated from German. Vol. 1. Moscow: Vysshiiy voennyy redaktsionnyy sovet.
9. Hindenburg, P. von. (1920) *Aus meinem Leben* [From my life]. Leipzig: Hirzel.
10. Tirpitz, A. von. (1957) *Vospominaniya* [Memories]. Translated from German by V.Ya. Golant. Moscow: Voenizdat.
11. Salewski, M. (2003) *Der Erste Weltkrieg* [World War I]. Paderborn: Schöningh.
12. Bauer, M. (1921) *Der große Krieg in Feld und Heimat: Erinnerungen und Betrachtungen* [The Great War in Field and Home: Memories and Reflections]. Tübingen: Osiander.

Received: 25 July 2016